

Руфь

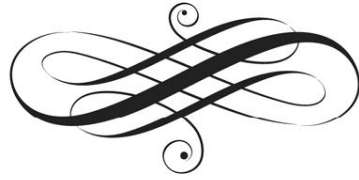
Про книгу

Юная Руфь не была ни роковой красавицей, ни богачкой. Сирота, лишенная ласки и внимания, слишком наивная для этого мира интриг и обманов. Образец кротости и смирения, скромная и невинная Руфь привлекла богатого мистера Беллингема, подобно экзотической бабочке. Эдакая диковинка в душном обществе надменных аристократов. Но ухаживания и слова любви оказались обманом. Соблазненная и брошенная, Руфь узнает, что ждет ребенка...

A painting of a woman with dark, wavy hair, looking slightly to the right. She is holding a small, colorful parakeet (budgie) on her hand. The background is a lush, green forest scene. The text 'Руфь' is written in white at the top, and 'ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ' is written in blue at the bottom.

Руфь

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

ELIZABETH GASKELL

RUTH

A NOVEL

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

РУФЬ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

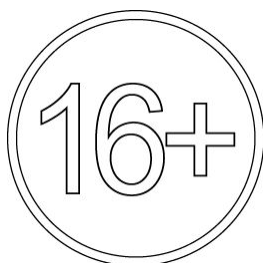

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8425-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

В оформлении обложки использована картина *Ф. Ц. Бюлера* «Молодая красавица с попугаем»

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

Юна Руф не була ні фатальною красунею, ні багатійкою. Сирота, позбавлена ласки й уваги, надто наївна для цього світу інтриг і обманів. Взірець лагідності й смиренності, скромна й невинна Руф привабила заможного містера Беллінгема, подібно до екзотичного метелика. Така собі дивина в душному суспільстві пихатих аристократів. Але залицяння й слова кохання виявилися обманом. Спокушена й покинута, Руф дізнається, що чекає дитину...

Гаскелл Э.

Г22 Руфь : роман / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 640 с.

ISBN 978-617-12-8191-2

Юная Руфь не была ни роковой красавицей, ни богачкой. Сирота, лишенная ласки и внимания, слишком наивная для этого мира интриг и обманов. Образец кротости и смирения, скромная и невинная Руфь привлекла богатого мистера Беллингема, подобно экзотической бабочке. Эдакая диковинка в душном обществе надменных аристократов. Но ухаживания и слова любви оказались обманом. Соблазненная и брошенная, Руфь узнает, что ждет ребенка...

УДК 821.111

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Глава I. Ученица портнихи за работой

Есть в восточных графствах Англии один городок, где проводились выездные сессии суда присяжных. Он примечателен еще и тем, что по каким-то непонятным причинам пользовался особым расположением со стороны представителей монархической династии Тюдоров и, как следствие, благодаря их благосклонности и покровительству, приобрел особую значимость, до сих пор вызывающую удивление современного путешественника.

Сто лет назад вид его поражал воображение своим живописным величием. На улицах плотной чередой стояли старинные дома — временные резиденции тех местных аристократов, которые отдавали предпочтение безмятежным развлечениям провинциальной жизни. Некий сумбур в застройке тем не менее производил впечатление определенной благородной изысканности, чем напоминал некоторые города Бельгии. Контуры остроконечных крыш и верениц высоких печных труб на фоне голубого неба придавали улицам старомодный колорит, тогда как чуть ниже глаз радовали причудливые балконы и балкончики, а также невероятное разнообразие окон всевозможных размеров и форм, появившихся в этих стенах задолго до введения налога на окна, в свое время столь рьяно поддерживавшегося мистером Питтом¹. Однако из-за всех этих надстроек и выступов внизу, на дорогах, лишенных тротуаров с бордюрами и кое-как вымощенных большими неровными булыжниками, было довольно темно; здесь не было даже столбов для фонарей, которые могли бы освещать путь прохожим длинными зимними ночами. Никто не заботился о нуждах людей среднего достатка, не имеющих ни личных карет, ни паланкинов, на которых можно было бы добраться в гости к друзьям и которые слуги донесли бы до самого порога. Мастерские и лавочки со своими женами, а также прочий небогатый люд днем и ночью ходили здесь, рискуя собственной жизнью в прямом смысле этого слова. Широкие неуклюжие экипажи, проезжая по узким улочкам, буквально заставляли их вжиматься в стены. При этом ступени парадных подъездов многочисленных негостеприимных особняков простирались до самой проезжей части; в итоге прохожие вынуждены были снова ступать под колеса,

подвергая свою жизнь опасности, которой они избежали каких-то двадцать-тридцать шагов назад. По ночам единственным источником освещения были здесь масляные лампы, висевшие над парадными самыми богатыми горожан; ненадолго появившись в их неровном мерцающем свете, прохожие тут же вновь исчезали в темноте, где нередко их поджидали грабители, караулившие своих жертв.

Традиции давно ушедших дней — даже в мельчайших деталях жизни тогдашнего общества — позволяют более четко понять обстоятельства, которые формировали характер людей. Повседневная обыденность, в которой они рождались и в которую постепенно втягивались, даже не сознавая этого, заковывала их в цепи, и лишь у одного из сотни хватало сил с презрением разорвать эти оковы в тот час, когда человек созревал как личность и у него возникала внутренняя потребность действовать независимо, вопреки всем внешним условностям. Поэтому-то так важно понять, что представляли собой пути бытовой рутины, определявшие образ жизни наших предков, пока те не поняли, как можно вырваться из них.

Живописная прелесть тех древних улиц до наших дней не сохранилась. Могущественные местные кланы — Этли, Данстены и Вейверхэмы, — которые с наступлением светских сезонов перебирались в Лондон, продали свои резиденции в этом провинциальном городке уже пятьдесят лет тому назад или даже более. И разве можно было ожидать, что, после того как для Этли, Данстенов и Вейверхэмов место это потеряло свою привлекательность, Домвилли, Бекстоны и Уайлды станут зимовать здесь в своих гораздо менее роскошных домах при неумолимо растущих расходах на их содержание? Вот так величественные старинные особняки в этом городе начали пустовать, а затем их постепенно по бросовым ценам скупили перекупщики, чтобы оборудовать в больших покинутых зданиях по несколько более мелких апартаментов, предназначенных под жилье для мастерового люда или даже (а теперь склонитесь пониже, чтобы это можно было шепнуть вам прямо на ухо — не дай бог нас услышит тень покойного Мармадьюка, первого барона Вейверхэма) для сдачи в аренду под торговые лавки!

Однако даже это было не так уж плохо по сравнению со следующим нововведением, нанесшим сокрушительный удар по былому величию старины. Владельцы лавок решили, что на улице, считавшейся некогда

фешенебельной, слишком темно, что тусклого света здесь не хватает, чтобы покупатели могли рассмотреть их товары. То же самое касалось доктора, которому скудное освещение мешало вырвать пациенту зуб, и адвоката, вынужденного зажигать в своей конторе свечи на час раньше по сравнению с временами, когда он жил в плебейском районе. Короче говоря, по общему согласию горожан фасад всех домов по одной стороне улицы был снесен и перестроен в непритязательном и унылом стиле построек времен Георга III. Однако стены многих зданий были слишком прочными, чтобы их можно было так просто переделать, и было решено оставить их в покое. Поэтому посетитель какого-нибудь обычного с виду магазинчика, войдя внутрь, мог, например, с удивлением обнаружить, что он стоит у подножия величественной лестницы из резного дуба, на которую льется свет из витражного окна с изображением старинного фамильного герба.

Именно по такой лестнице — и под таким окном, через которое, окрашивая ступени разноцветьем красок, пробивался лунный свет, — одной январской ночью много лет тому назад устало поднималась Руфь Хилтон. Я говорю «ночью», хотя правильнее было бы сказать, что уже наступило утро: старинные колокола на церкви Святого Спасителя пробили два часа. Тем не менее в комнате, куда вошла Руфь, за шитьем сидело более десятка девушек: они продолжали усердно трудиться, не смея даже зевнуть или подать вид, что их клонит в сон. Они позволили себе лишь тихо вздохнуть, когда Руфь сообщила миссис Мейсон, который теперь час: она и выходила на улицу, чтобы узнать время. Но девушки хорошо знали, что, насколько бы они ни задержались на работе и как бы ни болели от усталости их молодые руки, рабочий день для них в любом случае начнется завтра в восемь.

Миссис Мейсон и сама трудилась наравне со всеми, но она была старше и крепче любой из девушек; к тому же вся прибыль от мастерской доставалась ей. Однако даже она понимала, что всем им необходим отдых.

— Итак, юные леди, — сказала она, — я разрешаю вам сделать перерыв на полчаса. Позвоните в колокольчик, мисс Саттон. Марта принесет хлеб, сыр и пиво. Советую вам поесть стоя — разумеется, подальше от платьев, — а затем вымыть руки и быть готовыми продолжить работу к моему возвращению. Ровно через полчаса, — строгим тоном отчетливо повторила она и вышла из комнаты.

Было любопытно наблюдать за тем, как девушки воспользовались отсутствием хозяйки. Одна из них, полная и казавшаяся особенно уставшей, тут же уронила голову на сложенные руки и мгновенно уснула; ее не удалось разбудить, даже когда принесли их скудный ужин, однако она сама встрепенулась, испуганно оглядываясь по сторонам, как только вдалеке на гулкой лестнице послышались тихие шаги возвращающейся миссис Мейсон. Двое или трое жались к едва тлевшим углям простенького камина, лишенного каких-либо украшений и ради экономии места бесхитростно встроенного в тонкую перегородку, которой прошлый владелец разделил просторную гостиную этого особняка. Другие же были заняты тем, что поглощали свой хлеб с сыром, размеренно двигая челюстями с тупым и отсутствующим выражением на уставших лицах, и чем-то напоминали коров, монотонно жующих свою жвачку где-нибудь на пастбище.

Группка девушек собралась вокруг неоконченного бального платья: одни с восхищением расправляли его складки, другие отходили назад и, разглядывая его со всех сторон, делали свои замечания с видом истинных знатоков. Некоторые старательно потягивались в самых разных позах, стараясь расправить затекшие мышцы, а две девушки настолько расслабились, что позволили себе зевать, откашливаться и чихать, давая волю всему тому, что сдерживалось в присутствии миссис Мейсон. Одна лишь Руфь стояла у большого старинного окна, прижимаясь к нему, как певчая птичка жметя к прутьям своей клетки. Отодвинув штору, она смотрела в тихую ночь, залитую лунным светом. На улице было светло, почти как днем, потому что все вокруг было покрыто белым снегом, который начал бесшумно падать с небес еще с вечера. Само окно находилось в квадратной нише; старая рама, рассчитанная на несколько маленьких стекол, была заменена на новую, с одним большим стеклом, пропускавшим больше света. Прямо перед домом едва ощутимый ночной ветерок мягко раскачивал из стороны в сторону мохнатые ветви лиственницы. Бедное старое дерево! В прежние времена оно стояло на ухоженной лужайке и нежная зеленая травка ласкала основание его ствола. Теперь же лужайку разделили на дворы и отдали под убогие подсобные постройки, а сама лиственница была огорожена и обложена каменными плитами для мощения улиц. Пушистый снег, толстыми слоями лежавший на ее

ветвях, время от времени бесшумно срывался вниз. Картину дополняли бывшие конюшни, перестроенные ныне в переулок из жалких домишек, вплотную подходивших к задней части старинных особняков. И на все это убожество, сменившее былое величие, во всем своем извечном великолепии бесстрастно взирали багровые небеса!

Прижавшись горячим лбом к холодному стеклу, Руфь устало щурилась, с тоской любуясь ночным зимним небом. Мучительно хотелось схватить шаль, набросить ее на себя и, выскочив на улицу, с головой окунуться в эту неземную красоту; когда-то она не задумываясь поддалась бы этому минутному порыву, однако сейчас глаза ее наполнились слезами от сладких воспоминаний о тех давно ушедших днях. Но в этот миг кто-то коснулся ее плеча, и она очнулась о грез, унесших ее в январские ночи прошлого года, такие похожие на эту, но тем не менее совершенно иные.

— Руфь, дорогая, — прошептала подошедшая к ней сзади девушка и тут же невольно зашлась в долгом приступе сильного кашля. — Пойдем со мной, тебе нужно немного поесть. Ты не представляешь, как это помогает одолеть сон.

— Мне сейчас больше помог бы глоток свежего воздуха, — тихо ответила Руфь.

— Но только не в такую ночь, — возразила та, зябко передернув плечами от одной мысли о холоде на улице.

— Ну почему же не в такую, Дженни? — удивилась Руфь. — О, у себя дома я в такую пору множество раз бегала по тропинке до самой мельницы, просто чтобы посмотреть, как блестят сосульки, висящие на огромном мельничном колесе. А выбравшись туда, я уже была не в силах вернуться в дом, к сидящей у огня маме... Даже к маме, — добавила она тихим унылым голосом, в котором слышалась бесконечная печаль. — Сама подумай, Дженни, — сказала она, пытаясь как-то приободриться, хотя в глазах ее по-прежнему стояли слезы, — и скажи честно: видела ли ты когда-нибудь, чтобы эти старые дома, мрачные, отвратительные и обветшалые, выглядели бы такими — как бы это точнее сказать? — почти прекрасными, какими они кажутся сейчас, под этим мягким, чистейшим, изысканным снежным покрывалом? И если это настолько украсило их, только представь себе, как должны смотреться в такую ночь деревья, трава, вьющиеся по стенам ветки плюща!

Но Дженни не могла разделить такое восхищение зимней ночью: для нее зима была тем промозглым и тяжелым временем года, когда ее кашель становился мучительнее, а боль в боку чувствовалась сильнее обычного. Однако, несмотря на это, она просто обняла Руфь, в душе радуясь за эту сироту-ученицу, еще не привыкшую к тяготам швейного ремесла, которая умудрялась находить бесхитрое удовольствие в таких обыденных вещах, как вид морозной ночи за окном.

Так они и стояли, погруженные каждая в свои мысли, пока не послышались шаги идущей по коридору миссис Мейсон. На свои рабочие места девушки вернулись с новыми силами, хоть обе и остались без ужина.

Место, где в мастерской работала Руфь, было самым темным и холодным, однако оно ей очень нравилось; она инстинктивно выбрала его для себя из-за расположенной перед ней стены, сохранившей на себе следы былого великолепия старинной гостиной, которая, судя по оставшимся фрагментам потускневшей и выцветшей росписи, в свое время выглядела просто роскошно. Стена эта была разделена на панели цвета морской волны с белой и золотой каймой, где щедрой рукой большого мастера была изображена россыпь безумно красивых цветов, выглядевших столь реалистично, что казалось, будто чувствуешь их тонкий аромат, слышишь, как южный ветерок мягко шелестит лепестками алых роз, ветками лиловой и белой сирени, золотистыми гроздьями цветущего ракичника. Среди сочной зеленой листвы красовались величавые белые лилии — символ Пресвятой Девы Марии, розовые мальвы, анютины глазки, примулы — словом, все те очаровательные цветы, которые можно было бы встретить в старомодном деревенском саду, пусть и не в том порядке, в котором они перечислены здесь. В нижней части каждой панели была нарисована ветвь остролиста, чья жесткая прямота линий контрастировала с украшавшими ее завитками английского плюща, омелой и цветками морозника; по бокам свисали гирлянды весенних и осенних цветов. Венчали же композицию символы изобильного лета — ароматные мускусные розы и другие яркие цветы, распускающиеся в июне и июле.

Можно не сомневаться, что нарисовавшему все это художнику — будь то Моннуайе или кто-то другой из давно почивших мастеров прошлого — было бы приятно узнать, что его работа, хоть

и поблекшая от времени, приносила облегчение сердцу юной девушки, поскольку все это напоминало ей сад ее родного дома, где, периодически расцветая и увядая, росли похожие цветы.

Миссис Мейсон очень хотелось, чтобы ее работницы особенно постарались сегодня ночью, потому что на следующий день должен был состояться ежегодный бал для членов городского охотничьего общества и их семей. Это было единственное празднество, сохранившееся в городе, после того как здесь перестали устраивать балы в честь заседаний выездного суда. Многие вечерние платья она обещала «всенепременно» доставить на дом своим клиенткам к следующему утру. Она не отказала никому и взялась выполнять все заказы, опасаясь, что в противном случае они могут достаться ее конкурентке — еще одной модистке, которая недавно обосновалась со своей мастерской на той же улице.

Решив пойти на небольшую уловку, дабы поднять дух явно утомленных работниц, миссис Мейсон слегка откашлялась, чтобы привлечь к себе внимание, и заявила:

— Я хочу сообщить вам, юные леди, что в этом году, как и на прежних подобных мероприятиях, меня попросили прислать на бал молодых помощниц с лентами для туфель, булавками и прочими мелочами, чтобы они были готовы в вестибюле зала подправить наряды дам в случае необходимости. И я пошлю туда четверых — самых прилежных. — Она сделала ударение на последних словах, однако не заметила ожидаемого эффекта: девушки настолько устали, что ни светская роскошь, ни тщеславие, ни какие-либо другие соблазны мира их уже не интересовали, за исключением одного-единственного желания — побыстрее добраться до своих постелей.

Миссис Мейсон была весьма почтенной дамой и, как и многие другие почтенные дамы, имела свои слабости. Одной из них — вполне естественной при ее профессии — было пристрастное отношение к внешнему виду своих подчиненных. Поэтому она уже заранее выбрала четырех привлекательных девушек, достойных представлять ее заведение; свое решение она держала в секрете, и оно не мешало ей обещать эту награду самым усердным. Она даже не считала это жульничеством, относясь к тем людям, философия которых сводилась к тому, что все, что они делают, безоговорочно является правильным.

Наконец всеобщая крайняя усталость стала слишком очевидной, и девушкам было разрешено идти спать. Но даже это долгожданное распоряжение выполнялось вяло. Тяжело двигаясь, они медленно складывали свою работу, пока не убрали все, а затем стайкой отправились по широкой темной лестнице наверх.

— Ох, как мне выдержать еще целых пять лет таких жутких ночей! В этой душной комнате! В этой гнетущей тишине, где слышно даже шуршание иглки в наших пальцах — туда-сюда, туда-сюда! — горестно воскликнула Руфь, прямо в одежде бросаясь на свою постель.

— Ну что ты, Руфь. Ты сама знаешь, что так, как сегодня ночью, бывает не всегда. Частенько мы уходим спать уже в десять, а к замкнутому пространству этой комнаты ты скоро привыкнешь и перестанешь его замечать. Ты просто слишком устала сейчас, иначе не обращала бы внимания на шорох иголок, — я, например, этого вообще не слышу. Подожди-ка, я тебя расшнурую, — сказала Дженни.

— Что толку раздеваться? Через три часа нам вставать и снова идти на работу.

— Но если ты разденешься и уляжешься в кровать, то за эти три часа успеешь хорошенько отдохнуть. Ну же, дорогая, давай я помогу.

Противиться Дженни было невозможно. Уже перед самым отходом ко сну Руфь вдруг сказала:

— Ох, как же я сожалею, что стала резкой и раздражительной. Помоему, раньше я такой не была.

— Нет, конечно же нет. Большинство новых учениц поначалу раздражительны, но это проходит. Очень скоро все это их уже не волнует... Бедное дитя! Она уже спит, — тихо закончила Дженни.

Сама же она не могла ни спать, ни отдохнуть. Боль в боку сегодня мучила ее сильнее обычного. Она даже подумала, что следовало бы написать это в письме домой, но потом вспомнила о плате за ее обучение, которую с таким трудом удавалось собрать отцу, об их большой семье, о своих нуждавшихся в заботе младших братьях и сестрах. Поэтому она решила терпеть и верить в то, что с приходом тепла ее боль и кашель отступят. Она просто должна побережться.

Но что происходит с Руфью? Та испуганно вскрикивала во сне, как будто сердце ее рвалось на части. При таком возбуждении толку от кратковременного отдыха не было никакого, и поэтому Дженни решила разбудить ее.

— Руфь! Руфь!

— Ах, Дженни! — воскликнула Руфь, усаживаясь на постели и убирая волосы с разгоряченного лба. — Мне приснилось, что ко мне, как и прежде, присела на кровать моя мама, чтобы посмотреть, хорошо ли мне спится. Но, когда я попыталась взять ее за руки, она оставила меня одну и ушла — не знаю куда. Как это странно.

— Это был всего лишь сон. Ведь перед этим ты рассказывала мне о ней, а вдобавок ты перевозбудилась от работы. Ложись спать, а я посижу рядом и разбужу, если замечу, что тебя что-то слишком беспокоит.

— Но от этого ты сама устанешь еще больше. Ох, милая, милая Дженни... — Руфь так и не договорила — ее опять сморил тяжелый сон.

Наступило утро, и хотя отдых девушек был коротким, все они чувствовали себя намного свежее.

— Мисс Саттон, мисс Дженнингс, мисс Бут и мисс Хилтон. Вам следует быть готовыми сопровождать меня в бальную залу к восьми часам.

На лицах кое-кого из девушек отразилось удивление, но большинство, заранее предвидя такой выбор и по опыту понимая негласные принципы, по которым он делался, восприняли это известие с тупым равнодушием, с каким приучило их воспринимать окружающую действительность новое мироощущение, обусловленное неестественным образом жизни, непрерывной сидячей работой и частыми ночными бдениями.

Но для Руфи все это было непонятно. Ведь во время работы она часто зевала, отвлекалась, любуясь красивыми рисунками на стене, забывалась, погружаясь в воспоминания о родном доме. Девушка была уверена, что за это заслуживает выговора, и в другое время она его, безусловно, получила бы. А тут, к своему удивлению, она вдруг оказалась в числе самых усердных!

Да, ей ужасно хотелось побывать в аристократической бальной зале — гордости всего графства, хотелось посмотреть на танцующие пары, послушать оркестр, хотелось внести какое-то разнообразие в ход унылой, монотонной жизни, которую она вела. Однако она не могла принять привилегию, которая, по ее убеждению, досталась ей по ошибке и вопреки реальному положению вещей. Поэтому она

порывисто встала, немало удивив своих подруг, и подошла к миссис Мейсон, заканчивавшей работу над платьем, которое должно было быть отправлено на дом клиентке еще два часа назад.

— Прошу прощения, миссис Мейсон, но, боюсь, я не отличалась особым усердием — скорее совсем наоборот. Я была очень утомлена, в голову мне помимо воли лезли разные мысли, а когда я думаю о чем-то постороннем, то не могу сосредоточиться на работе. — Она остановилась, посчитав, что в достаточной степени все объяснила. Однако миссис Мейсон, видимо, не поняла ее и даже не пожелала слушать дальнейших разъяснений.

— Что ж, дорогая моя, вам нужно учиться думать за работой тоже. А вот если не удастся делать это одновременно, тогда вы должны оставить мысли. Как вы сами знаете, ваш попечитель ожидает от вас больших успехов в освоении ремесла, и я уверена, что вы его не разочаруете.

Такой ответ Руфь не удовлетворил, и она осталась стоять на месте, хотя миссис Мейсон демонстративно вернулась к работе, давая понять, что не собирается продолжать этот разговор. Это было понятно всем — за исключением новенькой.

— Но ведь если я не была прилежной, значит, я не заслуживаю идти на бал. Мисс Вуд трудилась намного усерднее меня, как и многие другие девушки.

— Несносная девчонка! — едва слышно пробормотала себе под нос миссис Мейсон. — Она у меня договорится до того, что я и в самом деле оставлю ее дома. — Но, подняв глаза на строптивую ученицу, она в очередной раз была поражена внешностью Руфи. Прекрасная фигура, невероятной красоты лицо, на котором темные брови и ресницы идеально сочетались с золотисто-каштановыми волосами и гладкой, нежной кожей, — кто подойдет больше, чтобы представлять ее заведение в обществе? Нет, ленивая или работающая, но Руфь Хилтон просто обязана быть на городском балу сегодня вечером.

— Мисс Хилтон, — строго и с холодным достоинством заявила миссис Мейсон, — эти юные леди могут подтвердить, что я не привыкла к тому, чтобы принятые мною решения кем-то обсуждались. Если я сказала, значит, так оно и будет — у меня есть на то свои соображения. Поэтому будьте любезны сесть и к восьми часам быть

готовой к выходу. И ни слова больше! — решительно закончила она, видя, что Руфь опять собирается возразить ей.

— Дженни, туда должна пойти ты, а не я, — тихо сказала она мисс Вуд, садясь рядом с ней.

— Тише, Руфь! Из-за своего кашля я не пошла бы туда, даже будь у меня такая возможность. А если бы такой шанс все-таки выпал, то я скорее передала бы это право тебе, чем кому-нибудь другому. Просто представь, что это мой тебе подарок, и сполна получи удовольствие от него, а потом, когда вернешься, расскажешь мне все-все, как там было.

— Хорошо. Тогда я приму это как твой подарок, а не как награду за прилежную работу, которой я определенно не заслужила. Спасибо тебе. Ты не представляешь, какое это для меня облегчение. Ночью, после того как я услышала об этой новости, я и вправду проработала усердно минут пять — так мне хотелось туда попасть. Но больше продержаться не смогла. Ох, дорогая Дженни, неужели я и на самом деле услышу настоящих музыкантов? Неужели смогу заглянуть в залу и увидеть этот роскошный бал?

¹ Уильям Питт Младший — премьер-министр Великобритании на рубеже XVIII-XIX веков, самый молодой за всю историю страны. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Глава II. Руфь отправляется на бал

Вечером, перед тем как отправиться на бал, миссис Мейсон собрала своих юных леди, чтобы проверить, как они выглядят. При этом своей важностью и суетливыми, энергичными действиями она напоминала квочку, созывающую под крыло цыплят. А по той тщательности, с какой она осматривала их наряды и внешний вид, можно было бы подумать, что на этом празднике им уготована намного более значительная роль, чем роль временных служанок светских дам.

— И это лучшее, что вы можете надеть, мисс Хилтон? — недовольным тоном спросила миссис Мейсон, заставив Руфь выйти вперед и покрутиться перед ней. На девушке было ее единственное приличное платье, в котором она по воскресеньям ходила в церковь; оно было из черного шелка, довольно старое и поношенное.

— Да, мадам, — тихо ответила Руфь.

— Ну да, конечно. Тогда сойдет, делать нечего, — заметила хозяйка все так же недовольно. — Но знаете, юные леди, платье ведь не основное. Главное — манеры. И все же, мисс Хилтон, я думаю, вам все равно следовало бы написать своему попечителю, чтобы он прислал вам немного денег на еще одно платье. Жаль, что я не побеспокоилась об этом заранее.

— Не думаю, чтобы он прислал что-то, даже если бы я ему написала, — тихо ответила Руфь. — Когда наступили холода, я попросила у него теплую шаль, но это лишь рассердило его.

Миссис Мейсон отпустила Руфь, слегка подтолкнув ее, и та вернулась ко всем остальным, встав рядом со своей подругой мисс Вуд.

— Ничего, Руфь, ты все равно красивее их всех, — заметила одна жизнерадостная, добродушная девушка, чья собственная невзрачная внешность исключала мысль о какой-то зависти или соперничестве.

— Я знаю, что привлекательна, — печально отозвалась Руфь. — Мне очень жаль, что у меня нет платья получше, потому что это совсем обветшало. Я сама стыжусь его и вижу, что миссис Мейсон расстроена вдвое больше моего. Лучше бы мне вообще туда не идти. Я не знала, что нужно будет надевать свою собственную одежду, иначе я бы даже не рвалась на этот бал.

— Ничего, Руфь, — успокоила ее Дженни. — Теперь ты уже прошла осмотр, а что до миссис Мейсон, то очень скоро она будет так занята, что ей станет уже не до тебя и твоего платья.

— Ты слышала, как Руфь Хилтон сказала, что знает, что она красивая? — шепнула одна из девушек своей соседке, но так громко, что это услышала и Руфь.

— Ну так как же мне этого не знать, — простодушно отреагировала она, — когда мне уже столько раз говорили об этом?

Наконец последние приготовления остались позади, и все вышли на свежий морозный воздух. Возможность свободно подвигаться необычайно воодушевила Руфь; она шла со всеми, чуть ли не пританцовывая, разом забыв и о своем поношенном платье, и о ворчливом опекуне. Бальная зала оказалась даже более впечатляющей, чем она ожидала. Фигуры, изображенные на висевших по бокам широкой лестницы картинах, при тусклом свете свечей были похожи на призраков со странным застывшим выражением на лицах, которые светлыми пятнами выделялись на потемневших от времени выцветших холстах.

Только разложив в вестибюле принесенные с собой аксессуары и все приготовив, молодые модистки рискнули наконец заглянуть в главную залу, где музыканты уже настраивали свои инструменты, а уборщицы (насколько же кричаще контрастировали их грязные мешковатые платья и беспрестанная болтовня, отдававшаяся гулким величественным эхом под высокими сводами, с окружающей обстановкой!) заканчивали протирать от пыли скамьи и стулья.

Когда Руфь со своими компаньонками вошла в залу, работницы удалились. В вестибюле все девушки щебетали весело и непринужденно, но тут притихли, подавленные великолепием огромной старинной комнаты. Она была такой большой, что предметы в дальнем ее конце казались размытыми, словно в легкой дымке. На стенах висели портреты знаменитостей графства в полный рост, причем в нарядах разных эпох, от времен Гольбейна² до наших дней. Высокий потолок терялся в полумраке, поскольку лампы еще не были полностью зажжены, а луна, заглядывавшая внутрь через удлиненное готическое окно с богатой росписью, казалось, тихо посмеивалась над потугами искусственного освещения конкурировать со светом этой маленькой небесной сферы.

Сверху доносились звуки оркестра, в последний момент повторявшего сложные отрывки мелодий, в которых не было уверенности. Затем музыканты закончили играть и заговорили между собой; звучало это довольно зловеще, как будто голоса переговаривающихся принадлежали гоблинам, которые прятались в темноте, куда не пробивался трепетный свет свечей, напоминавших Руфи загадочные блуждающие огни, зигзагами плавающие над болотами.

Внезапно всю залу залило ярким светом, но в освещенном виде она произвела на Руфь менее сильное впечатление, чем в царившем тут недавно таинственном полумраке. Поэтому она охотно подчинилась настойчивым призывам миссис Мейсон, собиравшей вместе свое разбредавшееся стадо. Теперь у девушек было много работы, и они принялись помогать приводить себя в порядок толпившимся в вестибюле дамам, которые своими голосами заглушали звуки музыки, — а ведь Руфи так хотелось ее послушать! И хотя этому желанию было не суждено исполниться, зато другие моменты званого вечера превзошли все ее ожидания.

При соблюдении «определенных условий», которые миссис Мейсон скрупулезно перечисляла так долго, что список этот уже начал казаться Руфи бесконечным, девушкам было разрешено во время танцев стоять у боковых дверей и смотреть. Какое же прекрасное это было зрелище! Под зачаровывающую музыку мимо них по паркету проплывали прелестнейшие дамы графства. В отдалении они напоминали волшебных фей, но при их приближении можно было рассмотреть в мельчайших деталях замечательные наряды женщин, которые вдохновенно танцевали, мало обращая внимания на тех, кто глазел на них и кого они буквально ослепляли своим видом. Из-за сплошного снежного покрова на улице было холодно, безлико, уныло. Здесь же все было теплым, ярким и искрилось жизнью. В воздухе витал аромат цветов, украшавших прически и приколотых к груди, словно дело было в середине лета. Сменяя друг друга в быстром кружении танцев, яркие краски дамских нарядов то вспыхивали, то исчезали. На лицах неизменно появлялись улыбки, а каждая пауза заполнялась оживленным разговором, исполненным радостного возбуждения.

Руфь не старалась рассмотреть отдельные фигуры, составлявшие это чарующе-восхитительное целое. Ей было достаточно просто

любоваться и мечтать о счастье беззаботной жизни, в которой такое изобилие живых цветов и драгоценностей, неопикуемой элегантносги и красотоы во всех ее формах и проявлениях, было делом повседневным. Она не хотела знать, кто все эти люди, хотя большинство ее компаньонк приходило в восторг, с благоговением называя друг другу имена присутствующих здесь гостей. Руфь же, напротив, такое перечисление даже раздражало, и, опасаясь, чтобы это великолепии очень скоро не превратилось для нее в банальный будничныи мир всяких там абстрактных мисс Смит и мистеров Томпсонов, она вернулась на свой пост в вестибюль. Там она и стояла, задумавшись и размечтавшись, пока чей-то голос, прозвучавший совсем близко, не вернул ее к действительности. С одной из танцевавших молодых дам случилась неприятность. Складки ее платья из тончайшего шелка были прихвачены маленькими бутоньерками, однако во время танца одна из них оторвалась, и теперь подол ее юбки волочился по паркету. Чтобы исправить это, она попросила своего кавалера проводить ее в вестибюль, где, по идее, ей должны были оказать помощь. Но на месте оказалась одна только Руфь.

— Мое присутствию здесь необходимо? — спросил свою даму молодой джентльмен. — Или же мне оставить вас?

— О нет, нет! — ответила та. — Тут всего насколько стежков, и все будет в порядке. Да и негоже мне возвращаться в зал одной. — Все это было сказано игриво и с милой улыбкой. Но когда она обратилась к Руфи, тон ее вдруг изменился, став холодным и властным: — Поторопитесь! Или вы хотите продержатъ меня здесь целый час?

Она была очень красива. Присев, чтобы приступить к работе, Руфь мельком взглянула на нее и успела увидеть длинные темные локоны и сверкающие черные глаза. Также она заметила, что ее кавалер был молодым и очень элегантным.

— О, какой изумительный галоп! Как хочется станцевать его! Что вы там возитесь? Когда это наконец закончится? Мне не терпится вернуться, чтобы поспеть на этот галоп! — Чтобы продемонстрировать свое по-детски очаровательное нетерпение, она принялась притопывать ножкой в такт звучащей музыке. Платье дергалось, и, поскольку это мешало Руфи зашивать его, она уже хотела попросить ее остановиться. Для этого она подняла голову, но тут встретилась глазами со стоявшим рядом молодым джентльменом,

которого, казалось, забавляли веселые выходки его хорошенькой партнерши. Его настроение подействовало на нее заразительно, и она опустила голову, чтобы скрыть свою улыбку. Но он заметил это и обратил внимание на коленопреклоненную фигурку девушки с благородным профилем, облаченную во все черное под самое горло. Какой разительный контраст между низко склонившейся над своей работой девушкой и его дамой — легкомысленной, сияющей, наигранно веселой, принимающей оказываемую ей услугу с видом королевы, восседающей на троне!

— О, мистер Беллингем! Право, мне совестно так долго вас задерживать. Ну сколько же можно возиться с одним несчастным швом? Неудивительно, что миссис Мейсон столько берет за свои платья, если у нее такие медлительные работницы.

Это должно было прозвучать как остроумная шутка, но мистер Беллингем только нахмурился, заметив краску негодования, залившую прекрасную щечку, открытую его взору. Он взял со стола свечу и поднес ее поближе, чтобы Руфи было лучше видно. Из робости, что он мог заметить ее невольную улыбку, она подняла глаза, чтобы поблагодарить его хотя бы взглядом.

— Простите, что это заняло у меня так много времени, мадам, — кротко сказала она, закончив работу. — Я просто боялась, что платье может снова порваться, если я зашью его недостаточно прочно.

— Да уж лучше бы оно порвалось, чем пропустить такой замечательный галоп, — фыркнула молодая леди, расправляя свой наряд, как пташка расправляет перышки. — Так мы идем, мистер Беллингем? — Она вопросительно посмотрела на своего кавалера.

При этом она не удосужилась произнести хотя бы слово благодарности в адрес помогавшей ей девушки. Это удивило молодого джентльмена, и он взял со столика оставленную там кем-то камелию.

— Мисс Данкомб, позвольте мне от вашего имени подарить юной леди этот цветок в знак признательности за ее умелую работу.

— О да, конечно, — небрежно бросила та.

Руфь приняла цветок молча, скромно и с достоинством кивнула ему. Когда они ушли, она снова осталась одна. Впрочем, вскоре вернулись ее компаньонки.

— Что стряслось у мисс Данкомб? Она ведь приходила сюда? — тут же зашебетали они.

— У нее немного порвалось ее кружевное платье, и я его починила, — быстро ответила Руфь.

— А мистер Беллингем приходил с ней? Говорят, он собирается жениться на мисс Данкомб. Так он был тут, Руфь?

— Был, — тихо подтвердила Руфь и растерянно умолкла.

Весь вечер мистер Беллингем весело и непринужденно танцевал с мисс Данкомб и, как ему казалось, неплохо за ней ухаживал. Однако взгляд его то и дело невольно устремлялся в сторону боковой двери, где стояли наблюдавшие за балом помощницы модистки. Однажды он увидел среди них высокую стройную фигурку девушки в черном с пышными золотисто-каштановыми волосами, а потом заметил у нее на груди свою камелию, на черном фоне казавшуюся белоснежной. После этого танцевалось ему почему-то еще лучше.

На улицах уже брезжил серый рассвет, когда миссис Мейсон и сопровождавшие ее девушки возвращались домой. Утро было холодным и унылым. Уличные фонари уже погасли, но ставни жилых домов и торговых лавок еще были закрыты. В эту пору все звуки отдавались эхом — днем такого не наблюдалось. Кое-где на ступеньках домов, дрожа от холода, сидели бездомные, которые спали, положив голову на согнутые колени или прислонившись к холодной жесткой стене.

У Руфи было ощущение, будто она, очнувшись от прекрасного волшебного сна, возвратилась в реальный мир. Непонятно, когда еще она, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, сможет снова побывать на балу, услышать игру музыкантов или хотя бы просто увидеть прекрасных счастливых людей, как будто принадлежащих к другой, неземной расе, не знающей бед и забот. Интересно, отказывают ли они себе в каких-либо желаниях, не говоря уже о потребностях? Ей казалось, что их жизненный путь выстлан цветами, в прямом и переносном смысле. Для нее сейчас стояла середина зимы, холодной и суровой. А вот для мисс Данкомб и ей подобных это было время веселья, где и теперь цвели цветы, радостно трещал огонь в камине, где их окружали комфорт и роскошь, словно они изначально были одарены всем этим доброй феей. Они даже не догадывались, насколько ужасно звучит слово «зима» для бедных. Им-то что? Просто очередное время года. Однако Руфи казалось, что мистер Беллингем не такой, что он может понять чувства тех, кто

далек от него по положению и сложившимся обстоятельствам. Уже уходя, она видела, как он, зябко передернув плечами, поднимал стекла в своем экипаже.

В этот момент Руфь смотрела на него.

При этом она не догадывалась, что именно ассоциация с ним делала ту камелию такой ценной для нее. Сама она считала, что с такой нежностью обращается с этим цветком исключительно из-за его изысканной красоты. Она рассказала Дженни все подробности относительно этого подарка без всяких задних мыслей, глядя в глаза подруге и даже не краснея от застенчивости.

— Ну скажи, разве не любезно с его стороны? Видела бы ты, как мило он все это сделал, причем в тот самый момент, когда я была слегка обижена неучтивым обращением его дамы.

— Да, действительно очень мило, — согласилась Дженни. — Какой красивый цветок! Жаль, что не пахнет.

— А мне он нравится именно таким. Он — само совершенство! Какая белоснежная чистота! — воскликнула Руфь, едва не придавив свое сокровище, которое поставила в воду. — А кто он такой, этот мистер Беллингем?

— Он сын миссис Беллингем из Прайори, которой мы шили накидку из серого атласа, — сонным голосом ответила Дженни.

— Это было еще до меня, — сказала Руфь, но ответа не дождалась: ее подруга уже спала.

Однако сама Руфь последовала ее примеру еще не скоро. Даже зимой утренний свет, падавший ей на лицо, был довольно ярким. Девушка улыбалась в полудреме, и проснувшись Дженни, не став ее будить, просто залюбовалась ею: в своем счастье Руфь была прекрасна.

«Ей сейчас снится вчерашний вечер», — подумала Дженни.

И не ошиблась — это действительно было так. Но в этих грезах одно лицо возникало перед глазами Руфи чаще всех остальных. Этот человек дарил ей цветок за цветком, и она очень жалела, что неглубокий утренний сон закончился слишком быстро. Вчера ей снилась ее покойная мать, и она плакала. Теперь же ей снился мистер Беллингем, и она счастливо улыбалась.

Но как знать, возможно, этот второй сон был даже хуже первого.

Однако в то утро реальность унылых будней, казалось, еще более ранила ее сердце. Из-за почти бессонной ночи и, вероятно, перевозбуждения от прошлого вечера ей было намного тяжелее сдерживать себя, снося упреки и раздраженные замечания, которыми миссис Мейсон временами осыпала своих юных леди.

Но миссис Мейсон, хоть и считалась первой портнихой графства, все-таки тоже была живым человеком и переживала по тем же причинам, по которым страдали ее ученицы. В то утро она была не в духе и беспричинно придиралась ко всем подряд по любому поводу. Похоже, ее переполняла решимость навести полный порядок в окружающем мире (ее мире, по крайней мере) и во всем, что в него входило. Сегодня ею были извлечены на свет и подвергнуты жестким выговорам все те промахи и проявления халатности, которые до этого сходили девушкам с рук. В такие моменты миссис Мейсон могло бы удовлетворить только само совершенство, и никак не меньше.

У нее были свои представления о справедливости, пусть не бесспорные и не слишком изящные, но чем-то напоминавшие корыстное понимание равноправия у бакалейщиков и торговцев чаем. Согласно этой философии, некоторые послабления прошлого вечера должны были на следующий день компенсироваться демонстративной строгостью, и такая практика исправления допущенных ошибок полностью успокаивала ее совесть.

Чтобы угодить хозяйке, нужно было в буквальном смысле привлечь все свои силы, но особо напрягаться и лезть из кожи вон у Руфи, находившейся в таком состоянии, не было ни желания, ни возможности. Казалось, резкие окрики в мастерской просто не затихали.

— Мисс Хилтон! Куда вы положили голубую персидскую ткань? Если что-то лежит не на своем месте, можно не сомневаться: накануне порядок наводила мисс Хилтон!

— Вчера вечером в комнате убирала я, потому что мисс Хилтон уходила вместе с вами. Я сейчас же найду ее, мадам, — ответила одна из девушек.

— О, я давно заметила за мисс Хилтон эту привычку переключать свои обязанности на других, лишь бы самой ничего не делать, — проворчала миссис Мейсон.

Руфь покраснела, на глаза навернулись слезы. Но она так была уверена в несправедливости этих обвинений, что даже упрекнула себя за то, что это настолько ее задело. Гордо подняв голову, она огляделась вокруг, как бы ища поддержки у своих компаньонов.

— Где юбка от платья леди Фарнхэм? Что? Оборки еще не пришиты? Я удивлена. Позвольте поинтересоваться, кому это было поручено вчера? — едко спросила миссис Мейсон, останавливая взгляд на Руфи.

— Это должна была сделать я. Я и сделала, но ошиблась, так что пришлось все отпороть. Извините меня, я виновата.

— Я могла бы и сама догадаться, это было не так уж сложно. Если что-то сделано небрежно или где-то испорчено, можешь быть уверен, кто именно приложил к этому руку.

Подобные упрёки Руфи пришлось выслушивать весь этот день — в то самое время, когда она меньше всего была готова воспринимать их, не теряя самообладания.

Во второй половине дня миссис Мейсон нужно было съездить куда-то за город. Но перед этим она раздала великое множество указаний, распоряжений, приказов и строгих запретов — казалось, им не будет конца. Наконец она все же ушла, и Руфь испытала огромное облегчение; положив руки на стол и уронив на них голову, несчастная девушка громко заплакала, всем телом содрогаясь от рыданий.

— Не плачьте, мисс Хилтон.

— Руфь, не обращай ты внимания на эту старую каргу!

— Как ты собираешься выдержать пять лет обучения, если у тебя не хватает духу просто пропустить мимо ушей то, что она тебе тут наговорила?

Вот только некоторые из слов поддержки и утешения, которые она услышала от других девушек.

Дженни лучше других понимала причины ее обид и знала, как ей помочь.

— Фанни Бартон, а что, если вместо тебя за покупками ходит Руфь? Ей сейчас полезно выйти на свежий воздух. Ты же не любишь пронизывающий восточный ветер, а Руфи нравятся мороз, снег и вообще холодная погода.

Фанни Бартон была крупной, вечно сонной девушкой, которая сейчас как раз грелась у огня. Она весьма охотно отказалась от

прогулки вечером по промозглым улицам, где завывали холодные восточные ветры, сдувая с дороги снег. Ни у кого не было ни малейшего желания в такую погоду покидать свои теплые дома без крайней на то необходимости. К тому же надвигающиеся сумерки напоминали о том, что у жителей той части города, через которую Руфи нужно было идти за покупками, приближалось время вечернего чаепития.

Поднявшись на высокий холм у реки, где улица круто уходила вниз к мосту, она увидела перед собой панораму укрытых белым снегом окрестностей, на фоне которых затянутое тяжелыми черными тучами небо выглядело еще более мрачным; казалось, зимняя ночь по-настоящему никуда не уходит, а просто на время короткого серого дня прячется на краю небес.

Внизу у моста находилась небольшая пристань для прогулочных лодок, которые могли пройти по этим неглубоким водам, и там, несмотря на холод, играли несколько ребятишек. Один из них забрался в большое корыто и, помогая себе сломанным веслом, катался взад-вперед по небольшому заливику. Это вызывало восхищение маленьких зрителей, которые с посиневшими от холода лицами наблюдали за передвижениями своего героя. В тщетной надежде пряча руки в карманы, чтобы хоть как-то согреть их, они, казалось, боялись, что если сдвинутся с места, то жестокий ветер тут же проберется под их жалкую потрепанную одежку. Они жались в кучку и, стоя совершенно неподвижно, не отрывали глаз от юного морехода. Наконец один из малышей, позавидовав, видимо, впечатлению, которое его товарищ производит на остальных, окликнул его:

— Эй, Том! А спорим, у тебя не хватит духу выплыть в большую реку за ту черную полосу на воде?

Вызов, конечно же, был тут же принят, и Том принялся грести к темной полосе, за которой спокойно несла свои воды река. Руфь, которая и сама еще совсем недавно была ребенком, стояла наверху откоса и с интересом следила за этим отчаянным искателем приключений, как и юные зрители внизу, не осознавая опасности, которую таила в себе ситуация. Глядя на своего отважного товарища, дети уже не могли стоять спокойно, они начали хлопать в ладоши, в восторге топтать своим ножками и ободряюще выкрикивать:

— Молодец, Том! Ты сделал это!

Том на миг замер, стоя лицом к своим почитателям и по-мальчишески гордо глядя на них с видом победителя, но затем его посудину закружило, качнуло, он потерял равновесие и упал в воду. Его вместе с его импровизированной лодкой подхватило мощным течением и медленно, но неуклонно понесло дальше, в сторону моря.

Дети хором закричали от ужаса, а Руфь со всех ног бросилась вниз. Уже стоя в воде неглубокого залива, она вдруг поняла, насколько бесполезными были ее усилия, — более разумно было бы попробовать позвать кого-нибудь на помощь. Едва эта мысль пришла ей в голову, как послышался новый звук, заглушавший мерное журчание потока: на мель, где стояла в воде Руфь, галопом выскочил конь. Мимо нее вниз по течению молнией проскочил всадник. Нагнувшись, он протянул руку и подхватил мальчика, спасая тому жизнь и сохраняя ребенка для тех, кому тот дорог! Все это произошло в считанные мгновения, и Руфь застыла на месте, ошеломленная произошедшим. Когда же всадник развернул своего коня и направил его к пристани, она узнала в нем мистера Беллингема, которого видела прошлой ночью. Ребенок лежал у него поперек седла, руки его безжизненно свисали. Руфь подумала, что мальчик мертв, и глаза ее сами собой наполнились слезами. С трудом переставляя ноги, она медленно пошла по воде к тому месту, куда направил свою лошадь мистер Беллингем.

— Он умер? — спросила она, протягивая руки, чтобы принять маленькое тельце, потому что интуитивно чувствовала, что положение, в котором находился малыш, было не самым лучшим, чтобы привести того в чувство, если это еще возможно.

— Надеюсь, что нет, — ответил мистер Беллингем, передавая ей мальчика и спрыгивая с коня. — Это ваш брат? Вы знаете, кто он такой?

— Смотрите! — радостно воскликнула Руфь, опускаясь на землю, чтобы удобнее положить ребенка. — Он пошевелил рукой! Он жив, сэр! Он жив! Чей это мальчик? — быстро спросила она у людей, которые уже начали собираться вокруг, каким-то образом прослышав о случившемся.

— Это внук старой Нелли Браунсон, — ответил кто-то.

— Мы должны отнести его прямо домой, — сказала она. — Он живет далеко отсюда?

— Нет-нет, совсем рядом.

— Один из вас пусть сразу идет за доктором, — властным тоном приказал мистер Беллингем, — и ведет его прямо к нему домой. А вам больше нет нужды держать его, — продолжил он, обращаясь на этот раз к Руфи и теперь уже припоминая, что где-то ее видел, — ваше платье и так уже промокло насквозь. Эй, приятель, возьми-ка у нее ребенка! — велел он одному из парней.

Однако детские ручки так судорожно вцепились в ее одежду, что Руфь решила не отдавать его, а сама понесла свою нелегкую ношу к невзрачному маленькому домику, на который указали соседи. На пороге уже стояла сгорбленная старуха, которую буквально трясло от страха и беспокойства.

— Бедняга! — запричитала она. — Он был последним из них всех, но и он отдал богу душу прежде меня.

— Вздор! — оборвал ее мистер Беллингем. — Ребенок жив и, скорее всего, не умрет.

Но старая женщина не хотела ничего слушать и продолжала упорно твердить, что ее внук погиб. И ребенок действительно бы умер, если бы Руфь и еще двое более здравомыслящих соседей под руководством мистера Беллингема не сделали все необходимое, чтобы вернуть его к жизни.

— Как же долго эти люди ходят за доктором! — с досадой произнес мистер Беллингем. Между ним и Руфью сам собой установился какой-то молчаливый контакт, обусловленный тем обстоятельством, что, за исключением детей, только они вдвоем были свидетелями того происшествия, равно как и тем, что среди всех присутствующих только они обладали достаточным уровнем развития, чтобы понимать друг друга даже без слов.

— Да, нелегко вбить в эти пустые головы хоть немного здравого смысла. Это дурачье будет долго стоять и глубокомысленно рассуждать, к какому именно врачу пойти, — как будто не все равно, это будет Браун или Смит, лишь бы соображал, что делает. Так или иначе, но я тоже не могу больше терять здесь время. Когда я увидел в воде тонувшего мальчика, я и так уже торопился. Теперь же, когда он открыл глаза и потихоньку хнычет, я не вижу необходимости оставаться в этой зловонной лачуге. Можно побеспокоить вас одной просьбой? Будьте так добры, проследите, чтобы у этого ребенка было

все, что ему нужно для выздоровления. Если вас это не затруднит, я оставляю вам свой кошелек.

Руфь с радостью согласилась позаботиться о ребенке. Но в кошельке среди мелочи оказалось несколько золотых монет, и она не захотела брать на себя ответственность за такие огромные деньги.

— Сэр, здесь слишком много, правда. Хватит одного соверена — да и его будет более чем достаточно. Можно я возьму его, а все, что останется, верну вам при новой встрече? Или, наверное, будет лучше, если я пришлю вам остаток.

— А по-моему, пусть все пока будет у вас. Нет, тут такая грязь, что я больше и двух минут не выдержу! Да и вам не стоит здесь оставаться, иначе вы можете отравиться этим омерзительным зловонным воздухом. Советую вам, по крайней мере, держаться ближе к двери. Что ж, если вы считаете, что достаточно будет одного соверена, тогда кошелек я забираю. Но помните: если понадобятся еще деньги, сразу обращайтесь прямо ко мне.

Они стояли у дверей, перед которыми кто-то держал под уздцы коня мистера Беллингема. Руфь со всей серьезностью смотрела ему в глаза (при этом, в свете происшедших событий, все поручения миссис Мейсон были начисто забыты) и думала только о том, чтобы ничего не перепутать и в точности выполнить все пожелания этого джентльмена относительно мальчика. Нужно сказать, что до этого момента все мысли мистера Беллингема тоже занимал только пострадавший ребенок. И тут он словно прозрел, сраженный необычайной красотой Руфи. От восхищения у него перехватило дух, и он уже плохо понимал, что говорит. Вчера вечером он не видел ее глаз, а сейчас они с наивным простодушием, казалось, заглядывали ему прямо в душу — такие серьезные, искренние, глубокие. Когда же девушка уловила изменения в напряженном выражении его лица, то сразу застенчиво опустила взгляд, а он вдруг подумал, что так она выглядит даже еще более прелестной. Внезапно мистера Беллингема охватило непреодолимое желание увидеться с этой девушкой снова, причем в самое ближайшее время.

— А впрочем, нет, — сказал он. — Я подумал, что пусть лучше кошелек останется у вас. Парнишке может понадобится еще много чего-то такого, о чем мы с вами сейчас судить не можем. Насколько я помню, там сейчас три соверена и еще какая-то мелочь. Я, наверное,

навещу вас через несколько дней, и тогда, если в кошельке еще останутся какие-то деньги, вы сможете их мне вернуть.

— Да, сэр, хорошо, — ответила Руфь. Ее воодушевляла мысль о том, сколько хорошего она сможет сделать с такими средствами, но одновременно пугала ответственность: как-то она распорядится такими большими деньгами?

— Есть какая-то вероятность, что я вновь встречу вас в этом доме? — спросил он.

— Я надеюсь приходить сюда, как только смогу, сэр. Однако выходить мне позволено лишь по каким-то поручениям, и неизвестно, когда в следующий раз придет моя очередь их выполнять.

— Вот как... — растерянно пробормотал он, не вполне поняв ее ответ. — Мне бы хотелось узнать о состоянии мальчика, если это вас не слишком затруднит. Ну а прогуляться вы выходите?

— Просто ради прогулки? Нет, сэр.

— Что ж, — продолжал он, — однако церковь-то, надеюсь, вы посещаете? Не думаю, чтобы миссис Мейсон заставляла вас работать даже по воскресеньям.

— Конечно, сэр. В церковь я хожу регулярно.

— Тогда, возможно, вы скажете мне, в какую именно церковь ходите? Мы с вами могли бы встретиться там в следующее воскресенье после обеда.

— Я хожу в церковь Святого Николая, сэр. Я все узнаю и расскажу вам и о здоровье мальчика, и о том, что сказал доктор. А еще я отчитаюсь о деньгах, которые потратила.

— Прекрасно, благодарю вас. И помните — я вам поверил.

Он имел в виду, что полагается на ее обещание встретиться с ним, но Руфь решила, что речь идет об ответственности за то, чтобы сделать для ребенка все, что можно. Он уже направился к своему коню, когда в голову ему пришла еще одна мысль. Он вернулся в домик и с полуулыбкой на лице снова обратился к Руфи:

— Вам это может показаться странным, но мы с вами даже не познакомились, а тут нет никого, кто мог бы представить нас друг другу. Так что... Моя фамилия Беллингем, а вас как зовут?

— Руфь Хилтон, сэр, — тихо ответила она. Теперь, когда разговор шел уже не о мальчике, она вдруг почувствовала себя скованно и застеснялась.

Он протянул ей руку, но в тот самый момент, когда Руфь уже пожимала ее, к ним приковыляла старуха с каким-то своим вопросом. Это нежелательное вмешательство вызвало у него досаду, и он тут же с раздражением вспомнил о духоте, грязи и запущении, которые их окружали.

— Послушайте, любезная, — сказал он, обращаясь к Нелли Браунсон, — не могли бы вы тут как-то прибраться, что ли? У вас в доме настоящий свинарник. Грязь повсюду невероятная, и дышать совершенно нечем. — С этими словами он вышел на улицу, вскочил в седло и, поклонившись на прощание Руфи, ускакал.

А старуха принялась возмущаться:

— Да кто он такой, чтобы врывать в дом к старой женщине и начинать оскорблять ее? Свинарник я развела, поди ж ты! Как его хотя бы зовут, этого молодого человека?

— Это мистер Беллингем, — ответила Руфь, шокированная черной неблагодарностью старухи. — Он на своем коне вскочил в реку, чтобы спасти вашего внука, и, если бы не мистер Беллингем, мальчик наверняка утонул бы. Там сильное течение, и я даже подумала, что река может унести их обоих.

— Река у нас не такая уж глубокая, — продолжала упряமиться та, стараясь всячески уменьшить заслугу человека, который ее обидел. — Не будь там этого молодого красавчика, кто-то другой спас бы моего внука. Он ведь сирота, а говорят, что сирот хранит сам Господь. Лучше бы его вытащил кто-то другой, чем этот франт, который приходит в дом бедного человека, только чтобы оскорбить хозяев.

— Он пришел не для того, чтобы кого-то оскорблять, — тихо возразила Руфь. — Он пришел вместе с маленьким Томом. И просто заметил, что здесь могло бы быть и почище.

— Так вы на его стороне, выходит? А вы поживите с мое, пока вас не скрутит ревматизм, да еще попробуйте приглядывать за таким сорванцом, как мой Том, который если не в воду свалится, так обязательно в грязь. Ведь нам с ним и есть что-то нужно, а еды часто не хватает, хотя, видит бог, я из сил выбиваюсь, делаю все, что могу. А воды домой принести по такому крутому склону, а...

Она закашлялась и умолкла. Воспользовавшись этим, Руфь благоразумно сменила тему и начала объяснять старой женщине, что нужно сделать для выздоровления ее внука. Вскоре появился и доктор,

который присоединился к их беседе. Осмотрев мальчика, он сказал, что тот поправится уже через пару дней.

Попросив присутствовавшего здесь же соседа доставить ребенку все самое необходимое, Руфь только теперь с ужасом осознала, как долго она пробыла у Нелли Браунсон. Она вспомнила, что миссис Мейсон очень строго следит за тем, чтобы ее ученицы вовремя возвращались домой. Ее охватил страх, и она поспешила в лавку, на ходу приводя в порядок разбегающиеся мысли и стараясь сообразить, какой цвет, розовый или голубой, будет лучше сочетаться с лиловым. Но тут она обнаружила, что забыла образцы тканей, и в итоге уныло побежала домой с неудачно сделанными покупками, в отчаянии ругая себя за собственную бестолковость.

Послеобеденное происшествие по-прежнему продолжало занимать все мысли Руфи, но, по правде говоря, фигура Тома, который был спасен и, вероятно, совсем скоро окончательно поправится, отошла в них на задний план, тогда как на переднем оказался мистер Беллингем. То, что он не задумываясь бросился на своем коне в воду, чтобы спасти ребенка, казалось ей бесконечно смелым и даже героическим поступком. Его заинтересованность в благополучии мальчика выглядела в ее глазах примером глубокой и заботливой благожелательности, а небрежное отношение к деньгам — проявлением благородства и великодушия; она только забыла, что истинное великодушие предполагает определенную степень самоотречения. Ей льстило, что он доверил ей деньги, и она, подобно Ал-Нашару из арабских сказок, строила призрачные планы о том, как мудро ими распорядится. Но, оказавшись перед дверью дома миссис Мейсон, Руфь быстро вернулась к действительности, и ее опять охватил страх перед неминуемой взбучкой.

Но на этот раз все обошлось, хотя причина, благодаря которой ей удалось избежать наказания, была для нее хуже любых нагоняев. В ее отсутствие Дженни внезапно стало плохо, она не могла дышать, и девушки решили уложить ее в постель. Испуганные и растерянные, они стояли вокруг ее кровати и вернулись в мастерскую только с приходом миссис Мейсон, всего за несколько минут до возвращения Руфи.

В доме поднялась суматоха. На хозяйку свалилось все сразу: нужно было послать за доктором; нужно было отдать распоряжения

относительно очередного заказанного платья, а старшая швея была слишком слаба, чтобы что-то уяснить; а еще, давая выход своему раздражению, нужно было немилосердно отругать всех перепуганных девушек — включая и заболевшую, — упрекая ее в несвоевременной неспособности. Воспользовавшись всей этой неразберихой, Руфь потихоньку проскользнула на свое место и теперь с грустью думала о доброй несчастной подруге. Она с радостью сама поухаживала бы за Дженни и периодически порывалась сделать это, но не могла отлынивать. Чтобы заботиться о больной, пока за той не приедет мать, сошли бы и руки, которые не способны выполнять тонкую работу. А теперь получалось, что работы этой в мастерской еще больше прибавится, и тогда у Руфи вообще не будет возможности навестить маленького Тома или осуществить свои планы касательно того, как облегчить жизнь ему и его бабушке, на что она сама вызвалась. Она уже жалела, что так опрометчиво пообещала мистеру Беллингему позаботиться о благополучии мальчика, потому что все, что она могла сделать в этой ситуации, — это через служанку миссис Мейсон передать деньги и справиться о здоровье ребенка.

Главной темой разговоров в мастерской была болезнь Дженни. Руфь, конечно, тоже начала рассказывать о своем приключении, но на самом кульминационном месте — когда мальчик упал в воду — пришли новые вести о состоянии больной, и Руфь умолкла, коря себя за то, что способна думать о чем-то еще, когда в доме в буквальном смысле решается вопрос жизни и смерти.

Вскоре у постели больной появилась кроткая бледная женщина — мать Дженни, которая приехала ухаживать за дочерью. Все девушки сразу полюбили ее; она была очень ласкова, терпелива, не причиняла никаких хлопот и с благодарностью отвечала, когда кто-нибудь интересовался здоровьем Дженни. Несмотря на то что ей стало легче, было понятно, что болезнь ее будет долгой и мучительной.

В заботах и переживаниях за Дженни время пролетело быстро, и незаметно наступило воскресенье. Миссис Мейсон, как всегда, отправилась в этот день к своему отцу, предварительно устроив небольшой спектакль с показными извинениями перед миссис Вуд за то, что ей придется ненадолго оставить ее с дочерью. Все ученицы разбрелись по своим друзьям и близким, с которыми они обычно проводили свой выходной, а Руфь пошла в церковь Святого Николая.

На сердце было тяжело: она переживала за подругу, а также ругала себя за то, что взялась за дело, которое не в состоянии выполнить.

После службы на выходе из церкви к ней подошел мистер Беллингем. В глубине души она надеялась, что он забыл об их договоренности, однако одновременно ей не терпелось снять с себя груз ответственности. Когда она услышала позади себя его шаги, ее сердце тревожно забило в груди от противоречивых чувств, охвативших ее, и на миг ей захотелось просто убежать.

— Мисс Хилтон, я полагаю, — догнав ее, сказал он, чуть наклонившись вперед, как будто хотел заглянуть в ее покрасневшееся лицо. — Как поживает наш маленький мореплаватель? Надеюсь, неплохо, судя по тем симптомам, которые мы видели в последний раз.

— Думаю, что с ним уже все хорошо, сэр. Простите, но у меня не было возможности самой навестить его. Мне очень жаль... однако я ничего не могла с этим поделать. Тем не менее я все-таки кое-что сделала для него, пусть и через другого человека. Я все записала на этом листке бумаги. И вот ваш кошелек, сэр, потому что, боюсь, я больше никак не смогу помочь мальчику. Заболела одна из наших подруг, и из-за этого все мы сейчас очень заняты.

Руфь за последнее время уже привыкла к тому, что ее постоянно ругают, и сейчас почти ожидала упреков в том, что не выполнила данное ею обещание лучше. Она и не догадывалась, что во время наступившей паузы мистер Беллингем был занят тем, что придумывал новый повод для следующей встречи с ней, а вовсе не сердился, что она недостаточно позаботилась о мальчике, к которому лично он потерял уже всякий интерес.

Молчание затягивалось, и Руфь растерянно повторила:

— Мне очень жаль, что я так мало сделала для него, сэр.

— О да. Но я уверен, что вы сделали все, что могли. А с моей стороны было неразумно добавлять вам хлопот.

«Он недоволен мной, он считает, что я пренебрегла заботой о мальчике, спасая которого, он рисковал жизнью, — подумала она. — Если бы я все рассказала ему, он бы понял, что я просто не могла сделать для него больше. Но разве можно делиться всеми своими тревогами и невзгодами с посторонним человеком?»

— И тем не менее, рассчитывая на вашу доброту, я хотел бы дать вам еще одно маленькое поручение, если, разумеется, оно вас

не слишком затруднит, — в ответ заявил мистер Беллингем, которому в голову наконец пришла одна светлая, как ему показалось, мысль. — Ведь миссис Мейсон живет в Хинейдж-плейс, не так ли? Когда-то давно этот дом принадлежал родителям моей матери, и она даже как-то водила меня туда, чтобы показать этот старый особняк, пока он ремонтировался. Мне запомнилось, что там над одним из каминов была картина с изображением сцены охоты, участниками которой были мои предки. Я давно подумывал о том, чтобы купить ее, и до сих пор еще не отказался от этой мысли. Если, конечно, она все еще на месте. Не могли бы вы проверить это для меня и о результате сообщить в следующее воскресенье?

— О да, сэр, — быстро ответила Руфь, в душе радуясь тому, что это вполне ей по силам, и желая загладить вину перед ним за мнимое пренебрежение к его предыдущей просьбе. — Я сделаю это, как только вернусь домой, а потом попрошу миссис Мейсон уведомить вас.

— Благодарю вас, — сказал он, не совсем удовлетворенный ее ответом. — Однако, думаю, не стоит беспокоить миссис Мейсон такими пустяками. Видите ли, я еще не принял окончательного решения насчет покупки этой картины, и лишние разговоры могут меня скомпрометировать. Если бы вы убедились, что картина все еще там, и сообщили мне об этом, у меня было бы время подумать, а уже потом я сам мог бы связаться с миссис Мейсон.

— Хорошо, сэр. Я все узнаю.

На этом они и расстались.

На следующей неделе миссис Вуд увезла дочь в отдаленный глухой край, где находился их дом, чтобы Дженни могла там восстанавливать свои силы в тишине и спокойствии. Руфь долго смотрела им вслед из верхнего окна, а потом, тягостно вздохнув, вернулась на свое рабочее место, где больше уже не прозвучит мягкий голос ее подруги, которая столько раз утешала и давала ей мудрые советы.

² Ганс Гольбейн (Младший) (1497—1543) — живописец, один из величайших немецких художников, во второй половине жизни работавший в Англии.

Глава III. Воскресенье у миссис Мейсон

В следующее воскресенье мистер Беллингем во второй половине дня вновь пришел на службу в церковь Святого Николая. Руфь занимала его мысли гораздо в большей степени, чем думала о нем она, хотя при ее образе жизни их знакомство было для нее определенно более значимым событием, чем для него. Он сам был озадачен тем впечатлением, которое она на него произвела, но не пытался анализировать эти чувства, а просто наслаждался ими с тем удовольствием, с каким юности свойственно воспринимать опыт новых сильных эмоций. В свои двадцать три года он все еще был очень молод, хотя и существенно старше Руфи. Тот факт, что он был единственным ребенком в семье, повлиял на те черты его характера, которые у других естественным образом формируются с возрастом.

Недисциплинированность, свойственная только детям, упрямство и чувство противоречия, вызванные чрезмерной опекой, нескромная снисходительность по отношению к людям, порожденная родительской любовью, сконцентрированной на одном ребенке, — все это было только усилено в ходе его воспитания. Вероятно, это можно было объяснить тем, что его рано овдовевшая мать и сама выросла в подобных условиях.

От отца ему досталось относительно скромное наследство. Его мать жила в собственном большом поместье, и ее существенные доходы давали ей средства, чтобы баловать или контролировать его даже после совершеннолетия, в зависимости от того, что руководило ею в данный момент — ее своенравный характер или материнская любовь. Если бы он относился к ней с такой же двойственностью, если бы хоть чуть-чуть потакал прихотям матери, ее слепая любовь к нему заставила бы ее отдать все ради его счастья и высокого положения в обществе. Несмотря на то что мистер Беллингем горячо любил свою мать, пренебрежение к чувствам окружающих, которое она сама привила ему (причем скорее своим собственным примером, чем наставлениями), постоянно подталкивало его к поступкам, которые она воспринимала как смертельную обиду. То он прямо в лицо передразнивал священника, к которому она питала глубокое уважение; то месяцами отказывался давать уроки в ее школах; а когда в конце концов все-таки снисходил до этого, то отыгрывался на том, что

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ